PG 3337
.K6 Z86
1868

КОЛЬЦОВЪ

И

СРЕБРЯНСКІЙ.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.
1868.

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 1477
Book A4 S78

YUDIN COLLECTION

GPO

Stalinskiy, E.

КОЛЬЦОВЪ

И

СРЕБРЯНСКІЙ.

Ку2

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.
1868.

PC-3337
.K6Z86
1868

95-126117

КОЛЬЦОВЪ И СРЕБРЯНСКІЙ.

(Посвящается Степану Степановичу Сталинскому.)

Въ скоромъ времени, именно 19 *) октября, Воронежъ будетъ праздновать день открытія памятника своему великому поэту, Алексѣю Васильевичу Кольцову. Значеніе Кольцовскихъ пѣсенъ для русской народной поэзіи давно уже опредѣлено, какъ почитателями поэта, такъ и исторической нашей критикой, поэтому мы считаемъ излишнимъ повторять сказанное. Останавливаясь на этомъ предположеніи, намъ остается сказать что-либо, или о литературномъ значеніи произведеній Кольцова, озаглавленныхъ *Думами*, или предложить читателямъ свои соображенія касательно вліянія на Кольцова и на развитіе его таланта нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей и, такъ называемыхъ товарищескихъ кружковъ. Охотно исполняемъ то и другое, въ видахъ дополненія къ біографіи Алексѣя Васильевича. Слѣдовательно, задача настоящей статьи нашей должна относиться исключительно къ вопросу о значеніи Кольцовскихъ

*) 2-го октября открытіе памятника не состоялось и отложено, какъ мы слышали, на 19-е. *Ред.*

«*Думъ*» въ ряду остальныхъ произведеній Алексѣя Васильевича, а также и къ опредѣленію вообще значенія произведеній подобнаго характера, въ смыслѣ постепеннаго развитія умственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго кругозора Кольцова, какъ литературнаго дѣятеля и какъ частнаго человѣка.

Приступаемъ къ дѣлу. Вотъ что сказалъ о «думахъ» Кольцова Бѣлинскій: «Думы»—особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный Кольцовымъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ (??) даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ силился онъ выразить порываніе своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: *вопросъ* и *рѣшеніе*..... Эти думы, естественно, не могутъ имѣтъ никакого значенія. Сильный, но неразвитый умъ, томясь великими вопросами, и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человѣческаго».

Не предрѣшая вопроса о значеніи этихъ «Думъ» съ нашей точки зрѣнія, мы приглашаемъ читателя поискать въ этихъ думахъ откликовъ на иные вопросы,—вопросы, возникшіе давно, но еще не разрѣшенные: пусть эти думы выяснятъ намъ силу и ширь поэтическаго настроенія, такъ

называемаго, *внутренняго* міра поэта. Естественно, что созерцательное *я* Кольцова, его пониманіе явленій видимаго міра и представленія о мірѣ загробномъ, его вѣрованія и сомнѣнія непремѣнно должны выражаться путемъ своеобразныхъ представленій, налагающихъ особенную печать на эти «думы». Тщательный анализъ этихъ думъ, признанныхъ—*неимѣющими значенія*, да послужитъ намъ лучшимъ дополненіемъ для выясненія темныхъ мѣстъ въ біографіи поэта.

Путемъ печатнаго слова, а еще болѣе путемъ преданій устныхъ, распространялось, что молодой Кольцовъ, въ смыслѣ эстетическаго развитія, многимъ обязанъ *тому-то и тому-то*, для чего и указываемы были разныя личности. Но эти указанія и по сіе время звучатъ какъ-то глухо. Поименовывая ту или другую личность, коей приписывалась извѣстная доля вліянія на поэта, біографы не указали намъ ни на одно изъ произведеній Коль-цова, на которомъ бы отражалось это вліяніе, хотя въ самой незначительной мѣрѣ.

Вотъ что говоритъ В. Г. Бѣлинскій объ отношеніяхъ къ Кольцову Сребрянскаго, который считается учителемъ Кольцова: «Дружескія бесѣды съ Сребрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ Кольцовъ нашелъ себѣ въ Сребрянскомъ

судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ знающаго дѣло».

Съ момента появленія этихъ строкъ въ печати, Сребрянскій былъ, такъ сказать, офиціально признанъ *учителемъ* и руководителемъ Кольцова. Читающая публика глубоко увѣровала, что произведенія начинающаго юноши-поэта не могли быть чужды пріятельскихъ исправленій или дополненій, такъ какъ, кромѣ весьма убогихъ начальныхъ знаній, покойный А. В. ничего не вынесъ изъ школы, куда Василій Петровичъ Кольцовъ отдавалъ сына поучиться грамотѣ. Въ подтвержденіе своего вывода, Бѣлинскій ссылается на слѣдующее стихотвореніе или, какъ онъ называетъ, посланіе Кольцова къ Сребрянскому:

Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много;
Здѣсь каждый стихъ—чай грѣшный бредъ.
Что жь дѣлать! Я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ.
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки.

Слѣдовательно, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ молодыхъ друзей рѣшенъ какъ бы окончательно.

Но не такъ оно было на самомъ дѣлѣ. Читатель увидитъ ниже, что заключеніе о силѣ вліянія Сребрянскаго на его юнаго друга не только вопросъ *условный*, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнительный.

Ad libitum, говоритъ старинная поговорка, каждый понимаетъ по своему, а потому да будетъ

намъ позволено провѣрить всѣ факты, касающіеся жизни нашего поэта и имѣющіеся уже въ печати, а также добавить къ нимъ и свои собственные. Скажемъ для начала, что мы старались прослѣдить жизнь Кольцова собственно въ періодъ съ 1825 по 1836 годъ, т. е. до момента начинающейся литературной извѣстности Кольцова, но въ настоящей статьѣ намѣрены говорить только *о значеніи* Сребрянскаго въ жизни и поэтической дѣятельности Кольцова.

Примѣняясь къ этой задачѣ, мы постараемся, по возможности, сообщить прежде всего нужныя свѣдѣнія о Сребрянскомъ.

Первымъ шагомъ къ своей извѣстности Сребрянскій обязанъ В. Г. Бѣлинскому, который въ письмѣ своемъ къ Панаеву выразился такъ: *читали ли вы* въ 5 № («Наблюдателя») *статью* «О музыкѣ»? *Такихъ статей немного въ европейскихъ, нетолько русскихъ журналахъ.* Сребрянскій—другъ Кольцова, который и доставилъ мнѣ эту статью. Представьте себѣ, что этотъ *даровитый* юноша (Сребрянскій) умираетъ отъ изнурительной лихорадки».

Для большинства знавшихъ только по наслышкѣ о Сребрянскомъ и его статьѣ «О музыкѣ», отзывъ Бѣлинскаго о немъ послужилъ конечной рекомендаціей, и реномме Сребрянскаго было составлено.

Прошли годы, десятки лѣтъ, и имя Сребрянскаго въ литературѣ всегда произносилось рядомъ съ именемъ Кольцова. Оставаясь при убѣжденіи, что

вліяніе Сребрянскаго на Кольцова можетъ назваться *условнымъ*, беремся уяснить начальныя основанія и конечные выводы подобнаго положенія, согласносъимѣющимися у насъ подъ рукми фактами.

Андрей Сребрянскій (а не Серебрянскій) былъ сынъ о. Порфирія, священника села Козловки, Бобровскаго уѣзда Ворон. губерніи. Поступилъ онъ въ семинарію въ 1825 г. 16 лѣтъ отъ роду, какъ это значится по архивнымъ документамъ заведенія. Будучи въ словесности, Сребрянскій числился въ первомъ отдѣленіи, а двоюродный братъ его Петръ (уроженецъ Богучарскаго уѣзда) во 2-мъ отдѣленіи того же курса. Впослѣдствіи времени Петръ Сребрянскій попалъ въ военную службу, а Андрей, не окончивъ курса, вышелъ изъ философскаго класса—съ цѣлью ѣхать въ Петербургъ для поступленія въ медицинскую академію. Если вѣрить имѣющимся у насъ письменнымъ заявленіямъ однокашниковъ и товарищей А. и П. Сребрянскихъ, то Андрей Порфирьевичъ былъ юноша красивой наружности, свѣтлорусый, говорилъ скоро, отчетливо и, при этомъ, обыкновенно склонялъ голову нѣсколько на бокъ. Характеристическія особенности Андрея Порфирьевича были: даровитость, впечатлительность и своенравіе. Сребрянскій, говоря объ интересующемъ его предметѣ, способенъ былъ приходить иногда въ такой экстазъ, что съ нимъ дѣлалась нервная дрожь. При всемъ природномъ добродушіи, Сребрянскій былъ не прочь, иногда, пройтись на счетъ ближ-

пяго, въ особенности если сей послѣдній былъ мало знакомый или не успѣвшій еще заискать его расположенія. Первая встрѣча Сребрянскаго съ Кольцовымъ носитъ на себѣ оттѣнокъ подобной же оригинальности: два будущіе друга столкнулись въ первый разъ въ загородней рощѣ, называемой *Викулинской*. Викулинская роща въ настоящее время вырублена, а въ былые годы она отличалась роскошною растительностью. Въ рощѣ этой была устроена гостинница, въ которую собиралась, преимущественно въ лѣтнее время, молодежь для гулянья и другихъ удовольствій. Въ эту же гостинницу, укрываясь отъ зоркаго вниманія семинарскаго начальства, часто приходилъ и Сребрянскій съ товарищами, и здѣсь-то, въ первый разъ, онъ познакомился съ Кольцовымъ. Молодой прасолъ, стараясь завязать знакомство съ семинаристами, затѣялъ первый литературный разговоръ о замѣчательной, по его мнѣнію, книжонкѣ—о «Письмовникѣ Курганова». Сребрянскій, овладѣвъ нитью разговора, пресерьезно началъ говорить съ Кольцовымъ о высокихъ достоинствахъ сего произведенія, что послужило большою потѣхой для его товарищей. Впрочемъ, впечатлѣнія первой встрѣчи скоро изгладились, и молодой Кольцовъ горячо потомъ полюбилъ симпатичнаго юношу Сребрянскаго.

Прежде нежели будемъ продолжать дальнѣйшую передачу тѣхъ подробностей о личности А. П. Сребрянскаго, которыя удалось намъ собрать изъ разнообразныхъ источниковъ, позволяемъ себѣ ска-

зать, въ общихъ чертахъ, о семинарскомъ образованіи того времени для того, чтобы показать, *чѣмъ* былъ Сребрянскій во время первой встрѣчи своей съ Кольцовымъ.

Съ 1817 года система научнаго преподаванія въ семинаріяхъ приняла извѣстную форму, сравнительно свободную отъ произвола учащихъ. Вообще говоря, въ это время было обращено особенное вниманіе на систему преподаванія философскихъ наукъ. Умственное движеніе германской мысли съ конца XVIII в. отразилось нѣсколько и на программахъ нашихъ высшихъ и отчасти среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, и придало имъ особый, своеобразный характеръ.

Не вдаваясь въ частности, скажемъ, что цѣль преподаванія философіи клонилась къ тому, чтобы чрезъ обобщеніе этой науки съ элементами богословскихъ знаній духовно-учебныя заведенія могли стать на такую степень умственнаго развитія, которая, по своему содержанію, представляла бы достаточный оплотъ противъ антирелигіозныхъ убѣжденій и направленій. Главнѣйшей тенденціей этого направленія было: самостоятельное, спокойное отрѣшеніе отъ боренія чувствъ и страстей, самодѣятельное мышленіе и изслѣдованіе главнѣйшихъ задачъ бытія міра, въ которомъ живетъ человѣкъ, и жизни, какою она должна быть по существу его природы *).

*) «Да образуетъ вертоградъ сей смиренномудрыхъ проповѣдниковъ слова Божія». Ук. Уст. Дух. Акад. и Семинаріи.

Замѣтимъ, что преподаваніе философіи, какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ, производилось на классическихъ языкахъ, преимущественно на латинскомъ. Для этой цѣли составлялись преподавателями своеобразныя записки, отчасти переходившія изъ курса въ курсъ, а отчасти замѣняемыя новыми произведеніями въ томъ же родѣ. Говоря относительно, въ академическихъ курсахъ преподаванія идея о научной сторонѣ предмета постепенно освобождалась отъ подражанія и схоластической безжизненности, и преподаваніе философскихъ наукъ усвоило себѣ пріемъ критической оцѣнки замѣчательныхъ явленій запада, что и послужило къ большой самостоятельности педагогическаго пріема. Впрочемъ, въ семинаріяхъ долгое еще время царствовалъ хаосъ въ понятіяхъ учащихъ и учащихся относительно знанія и дѣйствительнаго примѣненія философскихъ истинъ къ жизни. Истины эти далѣе стѣнъ семинарскихъ не уходили. Односторонность изложенія предмета производила на свѣтъ или отвлеченное мудрствованіе, или же горячія экзальтированныя головы, способныя къ самымъ превратнымъ толкованіямъ жизни и науки. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство, по истеченіи извѣстнаго періода времени, сдерживалось, по возможности, введеніемъ критическаго анализа посредствомъ герминевтики, и придавало изученію философіи характеръ эклектическій. Затѣмъ философскіе вопросы древней литературы и современной западной, по преимуществу, постепенно

становились предметомъ своеобразнаго изученія, сперва академическаго, а затѣмъ семинарскаго, чрезъ что учащееся юношество знакомилось съ философскими положеніями, переходившими изъ различныхъ системъ въ жизнь общественную, какъ напримѣръ: начала Мальтуса, Франк-Масонскія, Кантовскія, религіозныя начала — разума, деистическія, начала: коммунизма, соціализма, спиритизма и т. д. Своеобразное перенесеніе этихъ началъ на семинарскую почву придало преподаванію ихъ характеръ *полемическій*. Останавливаясь на этомъ, упомянемъ, что послѣдній пріемъ философскаго изученія вызвалъ такъ называемые *диспуты*, или, проще сказать, письменныя состязанія сперва въ классахъ, въ видѣ разговора, съ доказательствами, а затѣмъ ежемѣсячныя, читаемыя въ конгрегаціонной залѣ, при общемъ собраніи воспитанниковъ семинаріи. Схоластическій сумбуръ знаній семинарскихъ былъ жадно воспріятъ Сребрянскимъ, и горячая голова этого юноши неустанно работала надъ рѣшеніемъ вопросовъ исключительно такихъ, предъ которыми безсильна и самая наука. И вотъ на одномъ изъ публичныхъ экзаменовъ онъ прочелъ свое, въ высшей степени интересное, сочиненіе «Безсмертіе Души» *).

Вотъ каковъ былъ Сребрянскій—пылкій и наэкзальтированный, ненаходившій въ стѣнахъ се-

*) Произведеніе это обратило на себя всеобщее вниманіе какъ по своему достоинству, такъ равно и потому, что оно написано было риѳмованными стихами.

минарскихъ отклика на свои завѣтныя думы . . . . . Неминуемо, что сообщество его производило на Кольцова чарующее впечатлѣніе. Будетъ совершенно естественно предположить, что однолѣтка прасолъ подчинился вліянію своего даровитаго друга. Но вопросъ въ томъ: до какой степени сильно и благотворно было это вліяніе? Одинъ—пылокъ и впечатлителенъ; другой, по свойству натуры, робокъ и сосредоточенъ; одинъ—ученъ и стремится разрѣшать вопросы' такъ сказать, витая мыслью въ сферѣ чистыхъ отвлеченій, въ то время какъ другъ его—неучъ даже за разъясненіемъ самыхъ простыхъ истинъ долженъ прибѣгать чуть не къ букварю. Гдѣ-же искать нравственнаго связующаго начала между этими двумя субъектами, столь противуположными одинъ другому?

Естественно, что одними предположеніями здѣсь ничего доказать нельзя: надобенъ какой-либо вещественный знакъ, обусловливающій степень и границы вліянія перваго на втораго. Можно предположить безошибочно, что Сребрянскій, вліяя на Кольцова нравственно, долженъ былъ наложить свою печать и на Кольцовскія произведенія. Думы Кольцова суть произведенія, построенныя исключительно на умозрѣніяхъ отвлеченныхъ, поэтому эти думы должны быть сколкомъ нравственныхъ тенденцій Сребрянскаго или, покрайней-мѣрѣ, воззрѣнія одного должны совпадать, хотя приблизительно, съ выводами другаго. Въ противномъ

случаѣ глубоконравственная связь между Кольцовымъ и Сребрянскимъ подвержена сомнѣнію.

Въ 77 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1867 г. въ статьѣ о вновь найденномъ письмѣ Сребрянскаго высказано было, что будто бы въ этомъ письмѣ Сребрянскій упрекаетъ Кольцова въ присвоеніи себѣ одной изъ Думъ, именно: «*Молитвы*», принадлежащей будто-бы ему, Сребрянскому. Для подтвержденія своихъ претензій, Сребрянскій, тамъ-же, говоритъ, что изъ 28-хъ стиховъ этого произведенія только *шесть* принадлежатъ Кольцову, а *двадцать два* ему, Сребрянскому. Улика кажется ясна!—Но для того, чтобы выйти изъ лабиринта сомнѣній предлагаемъ читателю прослѣдить общій характеръ «Думъ» Кольцова, сравнительно съ произведеніями Сребрянскаго въ томъ-же родѣ, и опредѣлить, по возможности, имѣютъ ли что-либо общее у этихъ двухъ авторовъ пріемы въ смыслѣ созерцательнаго преслѣдованія извѣстной идеи.

Поэма «Безсмертіе Души», въ которой весьма ярко выражается направленіе мысли Сребрянскаго, и послужитъ намъ предметомъ для сравненій. Замѣтимъ, впрочемъ, что эта поэма не напечатана, а въ рукописи, выдаваемой за автографъ, сохраняется въ воронежской публичной библіотекѣ (*). И такъ беремъ болѣе рельефныя мѣста и сопоста-

*) Поэма раздѣлена на три пѣсни: пѣснь I-я—Утро Мая; пѣвецъ восхищенный воскресающею природою; пѣснь II-я—пѣвецъ при гробѣ Карамзина; пѣснь III-я—пѣвецъ съ возмущенною душою подъ мрачнымъ небомъ ночи. Авт.

вляемъ ихъ съ «Думами». Но предварительно выписываемъ спорное стихотвореніе, въ которомъ шесть строкъ отмѣчаемъ курсивомъ, а двадцать два обыкновеннымъ шрифтомъ (*).

Спаситель! Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?
На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Наложилъ печать.
Печать та на вѣки;
Ее не расторгнутъ,
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!...
Прости-жь мнѣ, Спаситель
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ тебѣ...

Выписавъ это стихотвореніе, приступаемъ къ цитированію основныхъ положеній Сребрянскаго,

---

*) Мы выписали это стихотвореніе, какъ оно напечатано въ полномъ собраніи стихотвореній Кольцова изд. въ 1856 г. Москва.

какъ характеризующихъ пріемы автора въ данномъ случаѣ.

Въ созерцательной философской точкѣ Сребрянскаго въ отношеніи опредѣленія своего собственнаго *я*—мы находимъ прежде всего сколокъ съ Державинской философіи. Сребрянскій говоритъ, что:

«...дѣйствіе умомъ, не плоти принадлежность,
Есть мыслящій въ насъ духъ—и духъ сей—жизнь моя,
И духъ сей я!...

Намъ кажется излишнимъ входить въ болѣе подробное обсужденіе этого положенія, потому что истолкованіе 7-го стиха 9 строфы оды «Богъ» мы находимъ у А. С. Шишкова, который, разбирая выраженіе:

«Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!»

для большей правильности и постепенности переставлялъ слова такъ:

«Я рабъ, я царь, я червь, я Богъ!»

Затѣмъ, исходя отъ подобнаго вывода, Сребрянскій начинаетъ о жизни загробной:

«Какъ влажные пески на днѣ морей,
«Такъ тайна смерти въ нѣдрахъ гроба
«Молчитъ изъ вѣка въ вѣкъ...» (Ст. 34).

Дальнѣйшее развитіе вопроса опредѣляется такъ:

«Къ востоку пламенному—тамъ,
«Тамъ за синимъ океаномъ,
«Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
«Безсмертіе проглянетъ намъ (Ст. 35).

и затѣмъ стр. 53-я:

«Хвала, хвала тебѣ, Великій, Безконечный!
«Хвала, Премудрый, Пресвятый!

«Изъ персти къ жизни Ты воззвалъ меня, Благій,
«И червю далъ Ты умъ, провидѣть вѣчный
«Твой промыслъ! Величіе Твое!
«Я созерцатель всей въ единствѣ разновидной
«Твоей гармоніи! И бытіе мое,
«Какъ верхъ горы гранитной,
«Сосѣдней областямъ чуть зримыхъ намъ міровъ,
«Какъ даль эфирныхъ облаковъ,
«Возвышенно и благородно
«Предъ всѣмъ, что населяетъ міръ.
«По волѣ я парю свободно
«Къ Тебѣ, Невѣдомый, за солнце, за эфиръ;
«Люблю добро, плѣняюсь красотою,
«И чувствую, и вѣрю: встрѣчу свѣтъ
«За дикою могилы мглою!
«*Нигдѣ истлѣнья духу нѣтъ!*
«За все, за все тебѣ, благое Провидѣнье,
«За все благодаренье!»

Ibid. ст. 23:

«Нѣтъ, духъ мой, равно какъ и въ мирномъ весельи,
«Средь признаковъ тлѣнья не думалъ о тлѣньи».

Ibid ст. 62:

«Безсмертіе! О, кто такой,
«Въ пылу священныхъ вдохновеній,
«Мѣшалъ тебя въ душѣ своей
«Съ мечтою горестныхъ сомнѣній,
«Съ раздумьемъ о могильномъ снѣ?»

Исчерпавши эти положенія, мы обращаемся къ спорной думѣ «Молитва», которую почти цѣликомъ Сребрянскій приписываетъ себѣ, и читаемъ:

«Спаситель! Спаситель!
«Чиста моя вѣра,
«Какъ пламя молитвы...
«*Но, Боже, и вѣрѣ*
«*Могила темна...*
«Что слухъ мой замѣнитъ?
«Потухшія очи?
«Глубокое чувство

«Остывшаго сердца?
«Что будетъ жизнь духа
«Безъ этого сердца?»

Спрашивается: гдѣ же логика въ данномъ случаѣ? Въ одномъ изъ своихъ произведеній авторъ умиленно спрашиваетъ:

«Что будетъ жизнь духа
«Безъ этого сердца?...»

А въ другомъ съ негодованіемъ восклицаетъ:

«Безсмертіе! О, кто такой,
«Въ пылу священныхъ вдохновеній,
«Мѣшалъ тебя въ душѣ своей
«Съ мечтою горестныхъ сомнѣній,
«Съ раздумьемъ о могильномъ снѣ?»

Можно ли допустить, чтобы одно и тоже перо писало эти два положенія? Весьма естественно, что здѣсь нельзя найти общей связи, такъ какъ высказанныя положенія объ одномъ и томъ-же предметѣ—діаметрально противоположны одно другому.

Но, не желая предрѣшать вопроса, допустимъ, что это обстоятельство *случайное*, и будемъ продолжать выписки:

«Спаситель! Спаситель!
«Чиста моя вѣра,
«Какъ пламя молитвы!..
«Но, Боже, и вѣрѣ
«Могила темна...

А. П. Сребрянскій въ приводимомъ произведеніи («Безсм. Души)», за исключеніемъ воззрѣній философскихъ, весьма ясно опредѣлилъ и свои религіозные взгляды: такъ во II пѣсни, обращаясь къ *атеистамъ*, онъ восклицаетъ:

«И съ нимъ (т. е. Карамзинымъ) говорю:
Безумецъ—атеистъ!
«Живъ Богъ—жива душа моя во вѣки!» (Стр. 52)

Затѣмъ на задорныя тенденціи матеріалистовъ онъ выводитъ:

«Развитье, *думаютъ*, въ матеріи идей
«Зависитъ въ насъ отъ нервныхъ утонченій;
«И въ этомъ жизнь и умъ людей!» (Ст. 63)

Кажется, достаточно опредѣлился человѣкъ, чтобы стать на извѣстную почву? Наконецъ, далѣе онъ говоритъ вполнѣ уже сознательно:

«Что незамѣтно такъ смутился пылкій духъ!
«Нѣтъ, для меня и гробъ живое возрожденье!» (Ст. 7)

Iibid ст. 67:

«Не сила-ль духа то,
«Предъ коею ничто
«Могила разрушеній?».

И, наконецъ, въ своей восторженной тирадѣ о жизни за гробомъ Сребрянскій снова восклицаетъ:

«Защитникъ тлѣнья! Не знаешь Бога ты!
«Воззри: и человѣкъ къ художеству пристрастной,
«Одушевляя прахъ, желаетъ, чтобъ черты,
«Чтобъ идеалъ его прекрасной
«Былъ совершенство красоты»...

Спрашиваемъ еще разъ: можетъ-ли человѣкъ, усвоившій себѣ *созерцаніе* такого рода, какъ Сребрянскій,—можетъ-ли онъ говорить:

«Но, Боже, и вѣрѣ
«Могила темна.»

Нѣтъ! Безъ предубѣжденія скажемъ еще разъ *нѣтъ!* Выдавать подобное положеніе за истину можетъ только человѣкъ—дитя по сердцу и убѣжденіямъ. Кольцовъ, при всей силѣ и громадномъ

значеніи литературнаго таланта, былъ этимъ робкимъ, пытающимъ субъектомъ, боязливо глядящимъ въ загробную даль. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не старался уяснить себѣ тайны бытія человѣка окомъ философа. Поднимая извѣстный вопросъ, Кольцовъ, прежде всего, предпоставлялъ ему истину святаго изреченія: «Блажени не видящіе и вѣрующіе». Возьмемъ, напримѣръ, думу «Неразгаданная истина» (стр. 167):

«Цѣлый вѣкъ я рылся
«Въ таинствахъ вселенной,
«До сѣдинъ учился
«Мудрости священной.
«Всѣ вѣка былые
«Съ новыми повѣрилъ;
«Чудеса земныя
«Опытомъ измѣрилъ.»

Глубина подобной задачи характеризуетъ ея философскія стремленія, но задача эта только лишь тѣмъ и разрѣшается, что поэтъ, вѣрный своему коренному началу, не съ ироніей, а съ горькимъ чувствомъ восклицаетъ:

«Подсѣку жь я крылья
«Дерзкому сомнѣнью,
«Прокляну усилья
«Къ тайнамъ Провидѣнья!
«*Умъ нашъ не шагаетъ*
«Міра за границу,
«На обумъ мѣшаетъ
«Съ былью небылицу.»

Основа подобнаго направленія лежитъ и въ другихъ думахъ Кольцова, для него и не разгаданная мистическая истина остается истиной *дѣйствительной*, и навсегда («Великая тайна» ст. 165):

«Старѣясь въ сомнѣньяхъ
«О великихъ тайнахъ,
«Идутъ невозвратно
«Вѣка за вѣками...

—

«Тучи носятъ воду,
«Вода поитъ землю,
«Земля плодъ приноситъ;
«Бездна звѣздъ на небѣ,
«Бездна жизни въ мірѣ;
«То мрачна, то свѣтла
«Чудная природа.»

Итакъ, сомнѣнья мучатъ его, какъ человѣка; неизъяснимое чувство влечетъ къ разгадкѣ чего-то неизвѣданнаго и высокаго:

«*Смѣлый* умъ, съ мольбою,
«Мчится къ Провидѣнью:
«Ты повѣдай мыслямъ
«Тайну сихъ созданій!»

Поэтъ, ища исхода на заданный вопросъ, самъ отвѣчаетъ себѣ:

«Что же совершится
«Въ будущемъ съ природой?..
«О гори, лампада,
«Ярче предъ Распятьемъ!
«*Тяжелы мнѣ думы,*
«Сладостна молитва!»

Великую тайну общенія человѣка съ духовнымъ міромъ поэтъ выражаетъ слѣдующими стихами (стр. 171):

«И горькія слезы,
«Раскаянья слезы,
«На блѣдныхъ ланитахъ
«Земнова царя
«Зажглись упованьемъ
«Высокимъ и свѣтлымъ,—
«И духъ вдохновляетъ

«Мятежную душу,—
.И сладко ей горе,
«Понятно ей горе:
«Оно—искупленье
«Прекраснаго рая»...

Кольцовъ въ этихъ строчкахъ не рисуется, не подражаетъ кому-либо;—нѣтъ, онъ является здѣсь *живымъ* человѣкомъ, своеобразно излагающимъ задушевныя мысли. Въ приводимыхъ строкахъ звучитъ не восторженность фанатика, а скорѣе здѣсь видны слезы мученика, покорно склоняющаго голову предъ рокомъ. Изолированное положеніе въ семьѣ, неудачи въ жизни, а тутъ еще эти думы.....жгучія, неотвязныя думы.....

(«Вопросъ» ст. 177)

«Какъ же быть мнѣ
«Въ этомъ мірѣ,
«При движеньи—
«Безъ желанья?
«Чтожь мнѣ дѣлать
«Съ буйной волей,
«*Съ грѣшной мыслью*,
«Съ пылкой страстью?
«*Въ моемъ толкѣ*
«*Смыслу нѣту*,
«*Чтобъ провидѣть*
«*Дѣла Божьи*....

—

«За могилой
«Рѣчь безмолвна;
«Вѣчной тьмою
«Даль одѣта...
«Буду ль жить я
«Въ безднѣ моря?
«Буду ль жить я
«Въ дальнемъ небѣ?
«Буду ль помнить:

«Гдѣ былъ прежде?
«Что я думалъ
«*Человѣкомъ*?
«Иль за гробомъ
«Все забуду,
«Смыслъ и память
«Потеряю?..
«Что жь со мною
«Тогда будетъ,
«Творецъ міра,
«Царь природы?»..(Стр.170)

Скажите: не напоминаютъ ли вамъ эти строки тихій плачъ малютки, покинутаго матерью? Не ясно ли обрисовывается въ нихъ человѣкъ, лишенный нетолько научнаго образованія, но даже не совсѣмъ усвоившій себѣ внутренній смыслъ *догматическихъ* истинъ? И вотъ этотъ человѣкъ безсвязно смѣшиваетъ представленія о двухъ мірахъ: вещественномъ и невещественномъ. Границы между *плотью* и *духомъ* онъ полагаетъ въ тайнахъ божественнаго промысла, и потому объединяетъ эти фазисы великой тайны задачами человѣческаго невѣдѣнія. Всѣ его «Думы» строго проникнуты подобнымъ началомъ. Еще разъ спрашиваемъ: есть ли у Кольцова что общее съ Сребрянскимъ, гордо восклицавшимъ:

«Нѣтъ, для меня и гробъ живое возрожденье»!

Вотъ, напримѣръ, *идеалы* по Кольцовскому варіанту: «Двѣ жизни» (стр, 176):

«Двѣ жизни въ мірѣ есть:
«Одна свѣтла, горитъ она, какъ солнце;
. . . . . .

—

. . . . . .
«И это—жизнь *земнова духа;*
«Долга она, какъ Божья вѣчность.

—

«Другая жизнь *темна*;
«Въ ея очахъ—земная грусть и ночь;
«И это жизнь *земнова праха*:
«Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей...»

Въ первомъ приступѣ къ Думѣ можно замѣтить стремленіе—сказать и свое слово о жизни *духа,* которая горитъ, какъ солнце, свѣтомъ мысли, но Кольцовъ, руководимый неразрывною нитью своихъ созерцательныхъ убѣжденій, заключаетъ, что жизнь этого прекраснаго духа должна быть долга, какъ Божья вѣчность... Порываясь, затѣмъ, разрѣшить вторую половину своей задачи, онъ тѣмъ не менѣе останавливается на границахъ міра вещественнаго, который хотя и есть проявленіе великой силы, его создавшей, но *тайны бытія* въ пониманіи поэта тоже, что и блескъ звѣзды падучей:

«Міръ есть тайна Бога,
«Богъ есть тайна жизни;
«Цѣлая природа—
«Въ душѣ человѣка. (Ст. 182).

Смутно сознавая въ себѣ соприсущность стремленій къ идеализированію этихъ невѣдомыхъ и неразгаданныхъ вещей, Кольцовъ не можетъ, однако, совладѣть съ тяжелою задачей и склоняется къ безусловному мистицизму. Сопоставляя грандіозныя представленія «духа и персти», онъ задается, такъ сказать, болѣе поэтической задачей,

чѣмъ отвлеченнымъ умозрѣніемъ. Его плѣняютъ гармоническія частности этихъ высокихъ представленій; ореолъ величія, осѣняющій безпредѣльную вѣчность, и глубокая тайна созданія видимаго міра—идутъ для его духовныхъ очей нескончаемою параллелью; пониманіе *силы* дополняется словомъ—*бытіе,* за границами котораго бренная мысль остается для него лишь пустымъ звукомъ, неимѣющимъ желаннаго отголоска:

«Темна, страшна могила;
«За далью—мракъ густой;
«Ни вѣсти, ни отзыва,
«На вопль нашъ роковой!» (Ст. 185).

А еще болѣе ощутитильнымъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить дума «Царство мысли» (ст. 179):

«Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокой молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна—одна идея:
Она одна—*царица бытія!*

Въ заключеніе приводимъ выдержку изъ думы «Жизнь» (ст. 183):

«Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
«Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
«Что не дано намъ понимать—
«Мы все какъ будто понимаемъ.
«Но все жь успѣхъ нашъ не великъ,
«Что до преданій—мы не знаемъ.

«Впередъ что будетъ—кто проникъ?
«*Что мы теперь—не разгадаемъ.*»

Читатель видитъ, что общій, конечный выводъ у поэта всегда одинъ и тотъ же. Кольцовъ великъ какъ самородный, могучій талантъ, но онъ слабъ какъ человѣкъ, на котораго среда и своеобразное воспитаніе наложили неизгладимую печать, и печать эта въ царствѣ человѣческой мысли останется на вѣки, или, говоря словами его самого,—ее:

«Огонь не растопитъ,
«Не смоетъ вода!..»

Впрочемъ, эти два послѣдніе стиха даже и панегиристы Сребрянскаго приписываютъ Кольцову, не оспаривая у бѣднаго поэта этого права посмертной собственности.

Возвращаясь, затѣмъ, къ Сребрянскому, мы снова скажемъ, что пріемы его и Кольцова, въ смыслѣ созерцательнаго опредѣленія вопроса, — діаметрально противоположны между собою. Тамъ, гдѣ Сребрянскій старается уяснить волнующую его, въ данную минуту, мысль, путемъ логическаго или психологическаго вывода, переходя для этой цѣли извѣстныя градаціи теоретическаго построенія своихъ доводовъ и предположеній,—тамъ Кольцовъ, отрѣшаясь отъ анализа, видитъ предметъ сквозь призму предвзятой идеи, которая, тѣмъ не менѣе, формируется у него самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Гдѣ Сребрянскій стремится, если такъ можно вы-

разиться, создать для себя воззрѣніе на предметъ, хотя бы и одностороннее,—тамъ Кольцовъ, обуреваемый наплывомъ идей и чувства, только ограничивается изложеніемъ образа своихъ мыслей, не оставляя за собою даже права авторитетности. Вообще говоря, если за первымъ оставлять стремленіе къ силѣ и положенію, то за вторымъ остается доля неопредѣленнаго или случайнаго вывода, такъ какъ одинъ изъ нихъ анализируетъ, а другой только сопоставляетъ. Сребрянскій, напримѣръ, обращая свои благоговѣйные взоры къ источнику чистаго существа, Верховному Зиждителю міровъ, говоритъ:

«Ты Богъ, Ты царь всему, что только зримъ,
«И что въ природѣ сокровенно;
«Ты благъ и полонъ красоты,
«Твоя свобода совершенна! (ст. 48).

Кольцовъ, въ свою очередь, поражаемый величіемъ неисповѣдимыхъ путей Божественнаго промысла, говоритъ: («Великое слово» ст. 169):

«Да будетъ!—и было,—
«И, видимъ,—и будетъ...
«Всегда—безъ конца.
«Кто жъ Онъ, Всемогущій?
«И гдѣ обитаетъ?..
«Нѣтъ Богу вопроса,—
«Нѣтъ мѣры Ему!..

Два вопроса, равносильные по объему задачи, разрѣшаются поэтами путемъ своеобразныхъ воззрѣній. Вѣрованія Сребрянскаго основаны на фактѣ:

«Ты царь всему, что только зримъ!

Вѣра въ Кольцовѣ есть продуктъ его душевной силы и любящаго сердца:

«Нѣтъ Богу вопроса,—
«Нѣтъ мѣры Ему!..

Затѣмъ, говоря о величіи сотвореннаго міра, о мудрости Всеблагаго Творца — животворящаго, о громадахъ свѣтилъ небесныхъ и микроскопическомъ созданіи нашей планеты, Сребрянскій касается вопроса о жизни будущей, стараясь путемъ логическаго изслѣдованія доказать, что было бы неестественнымъ предполагать, что вмѣстѣ съ земнымъ предѣломъ человѣческой жизни кончается ея дальнѣйшее духовное существованіе, такъ какъ благость Божія не можетъ ограничиться для человѣка дарованіемъ ему одного лишь земнаго существованія. Въ этомъ случаѣ Сребрянскій желаетъ вліять на читателя на столько, чтобы довести блуждающую мысль до заключенія, что премудрость, начала всѣхъ началъ, не можетъ останавливаться на одномъ вещественномъ твореніи:

—На что намъ жизнь безъ вѣковой отчизны?
На что и міръ цвѣтетъ, какого ждать конца
Всему творенью?
Гдѣ благость въ немъ Творца—
Когда для всѣхъ здѣсь гробъ граница жизни?

(ibid. ст. 80)

—Впередъ! Впередъ! Зовите за собой
И все твореніе къ счастливѣйшей судьбѣ!
Все сотворенное—въ себѣ
Лишь въ необъемлемость не можетъ простираться,
Предъ неизмѣримою святынею благой;
Но вѣкъ не престаетъ къ ней жизнью приближаться;—
Но вѣкъ—безвременно—духъ будетъ возвышаться.

Опредѣленное пониманіе ожидаемаго загробнаго переворота подкрѣпляется у Сребрянскаго.

горячими вѣрованіями въ будущее. Возносясь мыслью, онъ взываетъ:

—А Ты-ли, Царь Царей,
Не поведешь насъ въ даль отъ гроба жизни сей?
—Гдѣ чистая душа, покинувъ сновидѣнье
Сей жизни, не вздохнетъ о суетномъ земномъ:
Тамъ, въ пристани волнуемаго моря,
Ея покой и жизнь безъ времени и горя,
И что здѣсь (*) лучшею порукою мнѣ въ томъ
Какъ не врожденное какое-то въ насъ чувство?
Хитросплетенье ль думъ? Софистовъ ли искусства?
Нѣтъ, ты, о теплота, ты огнь души святой,
О, согрѣвавшій грудь благій посланникъ неба,
Ты первая для насъ потреба
Храни жизнь вѣры въ ней собой!

Тутъ мы остановимся, предоставляя каждому изъ нуждающихся дѣлать свои заключенія. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ заявить убѣжденіе наше, что если Кольцовъ великъ и типиченъ въ *пѣснѣ*, то онъ не менѣе своеобразенъ и *въ думѣ*.

Мы далеки отъ намѣренія отвергать безусловно значеніе Сребрянскаго на поэтическую дѣятельность Кольцова, но желаемъ, какъ сказали уже, обусловить мѣру и границы этого вліянія. Нѣтъ спора въ томъ, что дружба и бесѣды Сребрянскаго были для Кольцова лучшей школой развитія въ *эстетическомъ* отношеніи, даже полагаемъ, что первый бралъ на себя трудъ сглаживать, до извѣстной степени, угловатость литературныхъ пріемовъ послѣдняго, но, при всемъ томъ, мы ни въ

*) Т. е. на землѣ.

какомъ случаѣ не можемъ допустить мысли, чтобы Сребрянскій могъ, такъ сказать, нравственно воплотиться въ Кольцова до такой степени, чтобы произведенія одного не могли быть отличаемы отъ произведеній другаго.

Сребрянскій создавалъ для Кольцова болѣе *почву*, чѣмъ *уровень* таланту. Сколько намъ кажется, и *при подобномъ* опредѣленіи значенія Сребрянскаго для Кольцова, Андрей Порфирьевичъ не можетъ терять важной доли значенія въ дѣлѣ развитія способности нашего любимаго поэта. Свѣтлый взглядъ на вещи и симпатичный хотя немного и своенравный характеръ Андрея Порфирьевича привлекали къ нему товарищей, изъ числа которыхъ составился первый литературный кружокъ, столь радушно принимавшій Кольцова. Изъ этого кружка, сколько намъ извѣстно, выдѣлялся нѣкто Ксенофонтъ Куликовскій, пользовавшійся особенною пріязнью Сребрянскаго.—Куликовскій былъ хорошій музыкантъ гусляръ, и даже одно время—регентъ семинарскаго хора послѣ Бадрухина, также принадлежавшаго къ этому кружку. Куликовскій тоже писалъ стихи, и на одномъ изъ *диспутовъ* читалъ свое произведеніе, построенное на тѣхъ же началахъ, какъ и «Безсмертіе души», но произведеніе это, слабое по своему содержанію, равно какъ и литературныя стремленія Куликовскаго, дальше опыта не пошли, несмотря на то, что Сребрянскій употреблялъ все стараніе, чтобы выдвинуть

своего любимца. Сребрянскій учился недурно и обладалъ обильными для семинариста свѣдѣніями, но эти свѣдѣнія если и передавались Кольцову, то не иначе какъ въ формѣ бесѣдъ, чуждыхъ извѣстнаго метода и послѣдовательности. Само собою слѣдуетъ, что Кольцовъ, уважая своего ученаго и талантливаго друга, въ тоже время, за недостаткомъ правильной элементарной подготовки, не могъ усвоивать всего, что передавалъ ему Сребрянскій, такъ какъ передача производилась путемъ отрывочнымъ и слишкомъ разнообразнымъ. Можно безошибочно сказать, что для *преподающаго* Сребрянскаго, какъ юноши воспріимчиваго и пылкаго, серьезная задача развитія считалась не главнѣйшей въ дѣлѣ его отношеній къ Кольцову. Поэтому приписывать случайности то, что дается усидчивымъ и систематически разсчитаннымъ трудомъ—было бы на самомъ дѣлѣ полнѣйшею несправедливостью. Не споримъ, что можетъ быть впослѣдствіи, когда талантъ Кольцова началъ складываться въ извѣстную форму, Сребрянскій помогалъ ему болѣе серьезно, но и этотъ вопросъ кажется намъ крайне сомнительнымъ.

Слѣдовательно, свѣжая и даровитая натура молодаго Кольцова, соприкасаясь съ прекрасной личностью его друга, много выигрывала въ отношеніи эстетическомъ и почти ничего въ научномъ.

Вотъ тѣ несложныя обстоятельства изъ жизни Кольцова, которыя послужили поводомъ къ такимъ разнорѣчивымъ толкамъ и заключеніямъ объ отношеніяхъ поэта къ его лучшему другу.

Итакъ еще разъ обратимся къ письму Сребрянскаго, оспаривающему у Кольцова право на нѣкоторыя изъ произведеній, а въ томъ числѣ и на думу «Молитва»:—Сребрянскій, будучи 21 года, написалъ свое «Безсмертіе души», въ которомъ фотографически отразились его духовныя стремленія и религіозныя вѣрованія, исходнымъ пунктомъ которыхъ было начало *догматическое*. Нечего и упоминать, что «думы» Кольцова не характеризуются почвеннымъ началомъ, вслѣдствіе чего произведенія этихъ двухъ авторовъ, одинаковыя по задачѣ, также различны по своему достоинству, какъ различны бываютъ пониманія человѣка образованнаго о тайнахъ будущей жизни отъ сужденій простолюдина, боязливо развивающаго мысль объ адѣ, кипящей смолѣ и тьмѣ кромѣшной *). Зачѣмъ же панегиристы Сребрянскаго отнимаютъ у Кольцова его «думы» и хотятъ ихъ издать, какъ сочиненія Сребрянскаго?

На что Сребрянскому эти думы? И въ особенности «Молитва»—эта неудавшаяся греза, волнуемая неясными призраками ума? Сребрянскій, выражая свою мысль о *будущемъ*, едва могъ уложить ее въ три пѣсни «Безсмертія души», и

*) Да простится намъ подобное сравненіе: оно не болѣе какъ слѣдствіе необходимости, вызванной положеніемъ настоящаго вопроса.

вотъ для умноженія этого умственнаго богатства берутъ еще у Кольцова его куплеты:

«На крестъ, на могилу,
«На небо, на землю,
«На точку начала
«И цѣли твореній,
«Творецъ Всемогущій
«Накинулъ завѣсу,
«*Наложилъ* печать...

Такъ говорилъ смиренный поэтъ, не сознавая, что онъ дѣйствительно *наложилъ* печать, которую и стереть не легко. Письмо, въ которомъ Сребрянскій изъявляетъ претензіи на «Молитву,» относится къ 1837 году, спорное стихотвореніе было написано въ 1836 г., а «Безсмертіе души» окончено къ 1831 году. Что же это за нелѣпица: въ 1831 г. Сребрянскій писалъ одно, а въ 1836 самъ же себя побивалъ!..

Вѣдь если ужь непремѣнно надобно указать, что именно Кольцовымъ заимствовано у Сребрянскаго, то, за исключеніемъ вышесказаннаго, мы укажемъ на прекрасный тоническій размѣръ стиха, часто встрѣчаемый у Сребрянскаго, напримѣръ:

Я видалъ, какъ въ строяхъ,
Въ шишакахъ, на коняхъ,
Съ смертоносной стрѣлой,
И съ мечемъ при бедрахъ,
Шли герои на бой;
Пыль столбомъ назади;
Знамена впереди *)

*) См. Что ты спишь, мужичекъ?
Ужь весна на дворѣ,
Ужь сосѣди твои
Работаютъ давно и проч. и проч. и проч.

Я шагну чрезъ долы
На кремнисты горы,
Я простру могучу
Длань къ высокой мѣтѣ (?),
Ухвачусь за тучу
Быструю въ полетѣ,
И умчусь въ безвѣстность,
Въ безпредѣльность, вѣчность.

Или:

—

«Мощные громы! вихри летучи!
«Сдвиньтесь въ громаду—виснущей тучи!
«Гряньте въ раскатахъ, съ пылью дождей,
«Съ гуломъ и трескомъ, въ блескѣ огней!
«Гряньте въ октавахъ дикіе хоры,
«Съ влагою въ долы, съ градомъ на горы!

Не разъ, кажется, уже повторяли мы, что, признавая за Сребрянскимъ всевозможныя достоинства, какъ за человѣкомъ умнымъ, талантливымъ и въ высшей степени симпатичнымъ, мы ни въ какомъ случаѣ не признаемъ въ немъ *поэтическаго* дарованія. Сребрянскій писалъ стихи не ради серьезнаго къ тому призванія, а просто во имя существовавшей въ то время всеобщей стихоманіи. Оборотъ стиха и *торжественная* обстановка рѣчи доказываютъ, что Сребрянскій *не писалъ, а копировалъ* свои произведенія съ образчиковъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей.

Надѣемся, что дѣло достаточно разъяснено для того, чтобы не давать на будущее время мѣста соображеніямъ о томъ: кому воздвигать въ Воронежѣ памятникъ: Кольцову или Сребрянскому. Кажется, дѣло само за себя говоритъ; ибо если бы

А. П. и измѣнилъ свой образъ мыслей въ отношеніи религіозномъ и нравственномъ, то онъ сдѣлался бы настолько же горячимъ матеріалистомъ, насколько былъ идеалистъ. Выражаемся столь утвердительно потому, что за исключеніемъ статьи «О музыкѣ», поэмы «Безсмертіе души» и нѣсколькихъ мелкихъ, не имѣющихъ достоинства стихотвореній,—иныхъ произведеній Сребрянскаго *нѣтъ*!

Весьма естественно, что послѣ всего сказаннаго о значеніи «Думъ» Кольцова, въ ряду остальныхъ его произведеній, намъ остается указать читателямъ на разительное сродство «Думъ» съ «Пѣснями», и этимъ путемъ доказать, что тѣ и другія представляютъ въ общемъ — не нѣчто *раздвоенное*, а вполнѣ грандіозное--цѣлое. Но задача настоящей статьи нашей, выраженная въ первыхъ строкахъ этого очерка, кладетъ преграду подобному желанію, такъ какъ мы обѣщались говорить только о Кольцовѣ и Сребрянскомъ вообще и о мѣстныхъ *особенностяхъ*, могущихъ послужить матеріаломъ для пополненія біографіи Алексѣя Васильевича.

Предполагая, что ко дню открытія памятника Кольцову будетъ напечатана или прочитана еще не одна статья, касающаяся интересующаго насъ предмета, мы перейдемъ къ вопросу о томъ, что сдѣлала наша мѣстная литература въ смыслѣ разработки Кольцовской біографіи, и насколько отнеслась она сочувственно какъ къ своему поэту гражданину, такъ равно и къ общему воп-

росу о значеніи народной поэзіи. Къ сожалѣнію, мы можемъ указать только на одну лишь статью, посвященную разработкѣ этого вопроса и напечатанную въ «Воронежскомъ Сборникѣ.» Хотя авторъ этой статьи, г. де-Пуле, одновременно говоритъ объ отношеніяхъ Кольцова къ А. П. Серебрянскому и къ Н. В. Станкевичу, но фактическія доказательства того или другаго предположенія (далѣе предположеній г. де-Пуле не идетъ) на столько слабы и кажутся на столько сколкомъ съ мнѣній Бѣлинскаго и Анненкова, что мы, оставляя эти *предположенія* безъ вниманія, останавливаемся на самомъ капитальномъ мѣстѣ его статьи, т. е. на опредѣленіи значенія Кольцова, какъ народнаго поэта русской земли.

Мы не считаемъ себя въ правѣ пройти молчаніемъ статью о Кольцовѣ г. де-Пуле, такъ какъ онъ, прежде всего, сказалъ, что желаетъ *поставить Кольцова* на историческую почву, и что правильной оцѣнки Кольцовскаго таланта, согласной съ требованіями науки, до сей поры сдѣлано не было.

Соглашаясь съ настоящимъ требованіемъ г. де-Пуле, а также и съ тѣмъ, что вопросъ о *народной* литературѣ русскихъ, къ сожалѣнію, *почти* еще нетронутый вопросъ, мы предлагаемъ читателямъ прослѣдить основныя положенія и выводы автора въ отношеніи вопросовъ: что представляетъ намъ народная русская пѣсня? нуждается ли русскій народъ въ поэтахъ? и, наконецъ, что такое

народная поэзія въ смыслѣ нравственной потребности?

Не желая нисколько придавать настоящему разбору характеръ полемическій, мы поставлены въ необходимость сказать наше мнѣніе и о статьѣ г. де-Пуле, въ виду требованій *мѣстныхъ*, настоятельно вызывающихъ опредѣленное рѣшеніе нерѣшеннаго вопроса, по мимо авторитетовъ и высказанныхъ ими положеній. Вотъ что говоритъ г. де-Пуле:

—«Талантъ Кольцова весь выразился въ его «Пѣсняхъ,» т. е. во всѣхъ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя хотя и не носятъ названіе пѣсенъ, но, по своему оригинальному складу, по своеобразной фактурѣ стиха, какъ бы сдѣланнаго изъ народной версификаціи, принадлежатъ къ чистѣйшимъ лирическимъ пьесамъ, т. е къ такимъ произведеніямъ, которыя, по настоящему, не мыслимы безъ музыки. *Внѣ пѣсни, Кольцовъ рѣшительно не имѣлъ никакого значенія;* но за то въ своей, Кольцовской, пѣснѣ онъ истинно великъ и какъ поэтъ пѣсенникъ. Что бы ни говорили о нестарѣющей живучести русской простонародной пѣсни, но она видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ. Нашъ народъ пробавляется въ своихъ эстетическихъ потребностяхъ *старымъ матерьяломъ*, который переработываетъ и переиначиваетъ часто безъ всякаго художественнаго такту. Съ новой жизнью, которая ждетъ его впереди, явится потребность въ новой поэзіи, по-

тому, что старая тогда уже ни коимъ образомъ не будетъ удовлетворять его, никакія симпатіи современной науки, никакія реставраціи будущихъ археологовъ не спасутъ отъ смерти теперешнюю народную пѣсню.—По вѣчному закону, присущему человѣческой природѣ, не смотря ни на какіе успѣхи цивилизаціи, во имя которыхъ въ настоящее время все поэтическое и изящное нерѣдко считается побрякушками, не доставляющими общественнаго и семейнаго благосостоянія, и самая цивилизація ограничивается матеріальнымъ довольствомъ,—поэзія и другія изящныя искусства будутъ тѣмъ нужнѣе, тѣмъ необходимѣе, чѣмъ больше распространится въ массахъ это довольство. На массы, на весь народъ, изъ всѣхъ родовъ поэзіи, всего могущественнѣе дѣйствуетъ пѣсня; современемъ каждый народъ, какъ совокупность всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, безъ различія кастъ, будетъ нуждаться въ своемъ Беранже.—Со временемъ и нашъ русскій народъ, отрѣшившись отъ своей непосредственной поэзіи, почувствуетъ въ немъ надобность. Мы не хотимъ сказать, чтобы наша литература въ образѣ Кольцова уже создала типъ такого поэта; нѣтъ! при всей нашей глубокой симпатіи къ Кольцову, онъ не годится для подобной роли: его народъ нашъ въ настоящее время не *понимаетъ* и *понять не можетъ*. Когда же пойметъ, то, увы, и жизнь, и поэзія такъ далеко уйдутъ впередъ даже отъ нашей эпохи, что Кольцовъ уже будетъ старъ».

Установляя въ такой формѣ свой критическій взглядъ на будущую судьбу нравственнаго развитія русскаго народа и опредѣляя значеніе для него Кольцовскихъ пѣсенъ, г. де-Пуле, продолжаетъ:

—«И такъ будущее не сулитъ Кольцову блистательной роли русскаго Беранже; но, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, значеніе Кольцова въ исторіи нашего искусства громадное. — Не представляя себѣ идеала поэта, въ которомъ безъ всякаго сомнѣнія будетъ нуждаться русскій народъ, Кольцовъ, тѣмъ не менѣе, если позволено будетъ выразиться, есть первый, неподражаемо-удавшійся опытъ подобнаго идеала ...»

Вотъ основныя выводы г. де-Пуле при поставленіи имъ Кольцова на историческую почву. Признаемся, что мы какъ-то плохо ихъ понимаемъ. Авторъ, прежде всего, говоритъ, что Кольцовъ великъ только въ своей пѣснѣ, которая, по опредѣленію г. де-Пуле, есть нѣчто въ родѣ музыкальнаго экстракта мотивовъ народной версификаціи; за тѣмъ, объяснивъ то громадное значеніе, которое имѣетъ пѣсня вообще на массу народную, г. де-Пуле вдругъ начинаетъ отрицать значеніе пѣсни Кольцовской для русскаго народа! Подобный оборотъ мыслей г. де-Пуле невольно вызываетъ съ нашей стороны вопросы: если пѣсни Кольцова есть экстрактъ народной версификаціи, то, слѣдовательно, онѣ народны по характеристикѣ и тону; если же пѣсни эти писаны не для народа, — то

для кого же? и въ послѣднемъ случаѣ почему Кольцовъ названъ поэтомъ народнымъ? Если, наконецъ, эти пѣсни, какъ полагаетъ г. де-Пуле, могутъ имѣть только лишь значеніе въ исторіи искусства, то гдѣ же взять для Кольцова почву, опираясь на которую онъ могъ бы соприкасаться съ дѣйствительною жизнью?

Мы отнюдь не думаемъ играть словами народный и простонародный, потому-что подъ народною пѣснью разумѣется поэтическое представленіе народной силы или *думы*, или же какого бы то ни было *самороднаго* стремленія, выражаемаго болѣе или менѣе эстетически, сообразно съ степенью умственнаго и духовнаго развитія извѣстной массы.

Кольцовская пѣсня есть, такъ сказать, продуктъ единичнаго творчества; а если отвергать дѣйствительное значеніе этой пѣсни въ настоящемъ для народа, то по какому праву она можетъ называться народной? Если народная пѣсня мертва для народа, то, спрашивается, какое она можетъ имѣть значеніе въ исторіи искусства? Если это значеніе отрицательное, то пѣсня эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ сохранять своего родоваго наименованія.

Вообще способъ изложенія г. де-Пуле похожъ на Аристотелевъ, который, какъ извѣстно, подраздѣлялся на методы: *акроиматическій* и *экзотерическій*, т. е. спеціально-техническій и общепонятный.

Кромѣ того, говоря о русской народной пѣснѣ, г. де-Пуле старается увѣрить насъ, что она дряхлѣетъ, и что народъ въ своихъ эстетическихъ потребностяхъ пробавляется *старымъ матеріаломъ*.

Прежде всего, желательно было бы знать, что разумѣетъ авторъ подъ словомъ *старый матеріалъ*? Если исходить отъ установившагося уже пониманія науки литературной исторіи и опредѣлять значеніе поэзіи народной, то мы должны понимать подъ старыми матеріалами—задатки старославянской народной поэзіи, которые, вмѣстѣ съ скандинавской, служатъ, такъ сказать, прототипами самобытнаго развитія и историческаго колорита; можетъ быть авторъ разумѣетъ—продукты новѣйшей славянской поэзіи, выросшей подъ вліяніемъ иныхъ началъ?

Говоря, что русская простонародная пѣсня дряхлѣетъ, г. де-Пуле въ тоже время не старается объяснить причину подобнаго явленія, т. е.—происходитъ ли это вслѣдствіе недостаточности матеріаловъ для обновленія, или же вслѣдствіе исторической несостоятельности этой пѣсни. Если за пѣсней остается ея родовое значеніе, то въ чемъ именно авторъ предполагаетъ связь разлагающаго элемента съ родовымъ типомъ пѣсни?

Будучи вполнѣ согласны съ мнѣніемъ тѣхъ мыслителей, которые подъ исторіею литературы понимаютъ идеальную исторію человѣчества, какъ образецъ въ данномъ случаѣ внутренней образовательной работы того или другаго народа,

мы затрудняемся опредѣлить, почему г. де-Пуле объединилъ типъ будущаго всемірно-народнаго поэта формой поэзіи Беранже? Право, намъ кажется, что если смотрѣть съ точки зрѣнія г. де-Пуле на предметъ, то всѣ существовавшія до сей поры пониманія о значеніи отдѣльныхъ литературъ должны измѣниться путемъ діаметрально противуположнаго превращенія. Еврейская, напримѣръ, литература, не взирая на ея теологическую задачу, будетъ похожа на арабскую, потому, что та и другая, находясь въ извѣстной точкѣ своего развитія, были одинаково сосредоточены, идеальны и односторонни; французская литература будетъ похожа на германскую потому только, что средневѣковая Франція наложила печать извѣстнаго направленія на литературы народовъ западной и южной Европы; германская литература, по своему глубокому внутреннему содержанію, не взирая на извѣстную долю подчиненія этому направленію, умѣла сохранить свою древнюю героическую сагу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ собою типъ всемірной литературной воспріимчивости, богатой образами своими и чужими, старыми и новыми, и, наконецъ, если создавать произвольные образы, то самой національной изъ литературъ будетъ, по праву, испанская, какъ развившаяся чище и разнообразнѣе другихъ изъ народнаго эпоса романсовъ до искусственной лирики и за тѣмъ религіозной драмы.

Вообще говоря, наши воззрѣнія, сравнительно

съ воззрѣніями г. де-Пуле, до того разнорѣчивы и противоположны, что мы отказываемся отъ дальнѣйшихъ сопоставленій, какъ не ведущихъ къ желаемому исходу.

Прежде чѣмъ скажемъ наше послѣднее слово о значеніи «Думъ» Кольцова, замѣтимъ, что мы не раздѣляемъ взгляда на литературную бѣдность и неспособность русскаго народа. Нельзя упрекнуть Славянъ въ недостаткѣ воображенія, и между ними Русскіе одарены имъ не менѣе другихъ. Всѣ поэтическія начала, бродившія въ душѣ русскаго народа, выражались въ пѣсняхъ чрезвычайно мелодическихъ. Крестьяне находили въ нихъ единственный способъ изливать свои страданія. Отличаются эти пѣсни отъ пѣсенъ другихъ Славянъ и даже малороссійскихъ глубокою грустью. Слова этихъ пѣсенъ выражаютъ глубокую жалобу, которая теряется въ долинахъ безпредѣльныхъ, какъ его несчастіе, или разбѣгаются въ дремучихъ лѣсахъ, въ безконечныхъ степяхъ, не встрѣчая нигдѣ дружескаго отголоска. Эта грусть не есть безотчетное стремленіе къ чему-нибудь идеальному, какъ въ пѣсняхъ нѣмецкихъ. Нѣтъ! это страданіе человѣка, раздавленнаго неизбѣжнымъ предопредѣленіемъ, это упрекъ судьбѣ, судьбѣ—мачихѣ, горькой долѣ. это подавленное желаніе, не смѣющее выразиться иначе, это пѣснь женщины, угнетенной своимъ мужемъ, пѣснь мужа, угнетеннаго своимъ отцомъ, старшиною деревни и т. д. Среди этихъ

заунывныхъ пѣсенъ вы слышите иногда звукъ оргіи, выраженія необузданной веселости, крики страсти и безумія, слова безъ смысла, но отъ которыхъ пьянѣютъ. Таковы, напримѣръ, разбойничья пѣсни. Въ теченіе столѣтія или даже полутора народъ пѣлъ только старыя пѣсни. Было сдѣлано нѣсколько удачныхъ попытокъ подражанія въ началѣ нынѣшняго столѣтія; но эти искуственныя подражанія были лишены истины; это были усилія и капризы. Новѣйшія пѣсни изошли изъ среды самыхъ деревень русскихъ. Прасолъ, прогонявшій свои гурты по степямъ, сочинилъ ихъ по вдохновенію. Кольцовъ былъ вполнѣ простолюдинъ. Его настоящее призваніе высказалась, онъ написалъ народныя пѣсни, и пѣсни эти—настоящія пѣсни русскаго народа: въ нихъ отзывается та грусть, которая составляетъ характеристическую черту ихъ; въ нихъ слышна тоска, сокрушающая избытокъ жизненной силы, удаль молодецкая. Кольцовъ доказалъ, сколько поэзіи таится въ душѣ русскаго народа и что послѣ долгаго, покойнаго сна было нѣчто, волновавшееся въ груди его.

Г. де-Пуле, отрицая въ произведеніяхъ Кольцова, какъ настоящее, такъ равно и будущее ихъ значеніе на массу народную, прибавляетъ, что внѣ пѣсни Кольцовъ рѣшительно не имѣетъ значенія

Не зная, какъ авторъ смотритъ на современное состояніе народной русской поэзіи и на будущее

ея развитіе, мы скажемъ, однако, что процессъ развитія эстетическихъ потребностей въ народѣ, точно также какъ и всякій физіологическій процессъ, долженъ переходить извѣстныя градаціи. Русское, напримѣръ, литературное и разговорное слово, прежде чѣмъ дошло до настоящаго своего типа, переступило чрезъ три періода очищенія: Ломоносовскій, Карамзинскій и Пушкинскій; точно также и эстетическія требованія народа, выраждаясь въ извѣстную форму, неминуемо должны пройти чрезъ Кольцовскій періодъ мелодической пѣсни, такъ какъ Кольцовская поэзія будетъ лучшей и удобнѣйшей литературной пищей для народа, тогда, когда сей послѣдній ее потребуетъ. Кольцовскія пѣсни, какъ высокія произведенія въ лирическомъ духѣ, столь присущемъ проявленіямъ внутренней и внѣшней поэзіи русскаго человѣка, долго и долго будутъ живы и свѣжи на широкихъ раздольяхъ нашей родины. Что же касается «Думъ» Кольцова, то онѣ замѣчательны по своему характеристическому направленію; въ нихъ поэтъ былъ вѣренъ самому себѣ; въ этихъ произведеніяхъ выразились его заповѣдныя мечты и нѣжная любящая душа.— Отдаваясь безраздѣльно вдохновенію, Кольцовъ обезсмертилъ пѣсню, выражая въ ней чувство,—онъ остался неизмѣненъ и въ своихъ «Думахъ». Всякій знаетъ, что Кольцовъ, будучи еще ребенкомъ, не читалъ, а *пѣлъ* стихи, полагая, что созвучіе риѳмъ непремѣнно требуетъ музыки — и русскій еще

младенчествующій народъ современемъ точно также запоетъ Кольцовскія пѣсни, такъ какъ по своему преобладающему мотиву онѣ — воплощенная гармонія.—Г. де-Пуле создаетъ миѳы, и во имя ихъ отвергаетъ существующіе образы; для чего это дѣлается—не вѣдаемъ; знаемъ только, что комбинированіе подобныхъ умствованій прошло не дезслѣдно: мы можемъ указать кружокъ любей на родинѣ поэта, который, понимая по своему отрицательное значеніе, придаваемое авторомъ дѣятельности Кольцова, пошелъ еще дальше.... Г. де-Пуле стремился къ тому, чтобы поставить Кольцова на историческую *почву,* а его неудавшіеся подражатели, посягая на полноту и типичность выясненія образовательной силы и дѣятельности поэта, готовятъ для его пьедестала какую-то историческую трясину. Аллахъ да проститъ имъ: не вѣдаютъ бо, что говорятъ!...

Не вѣдаютъ они того, что Кольцовъ особенно намъ дорогъ и въ «Пѣсняхъ», и въ «Думахъ» тѣмъ, что уничтожаетъ сомнѣніе въ существованіи не развернувшихся еще русскихъ силъ; его голосъ— это голосъ русскаго народа.

Е. Сталинскій.

Перепечатано изъ №№ 36 и 37 газеты „Донъ“.

LIBRARY OF CONGRESS
00025325825